Москва
Театр классической
импровизации

Портные и стенографистки желают

ИМПРОВИЗИРОВАТЬ

Век. Москва — 1949. — 17 марта
Борясь за право модерна на самоопределение на карте современного танца в России, свое направление развития сценического движения и его пластического языка представляет Театр пластической импровизации, который профессионалы знали раньше как Класс экспрессивной пластики Геннадия Абрамова.

Наталья КОЛЕСОВА

Изгнанная из стен Школы драматического искусства Анатолия Васильева (творческая ревность — чувство, увы, наступающее даже гениев), труппа продемонстрировала силу выживания и творческую активность. Правда, Васильев, отношения с которым у студийцев Абрамова исчерпались, вполне благородно оставил им стипендии до конца сезона и право жить в театральном общежитии.

Премьерой спектакля «Кровать» для трех артистов и мобильных железных нар Геннадий Абрамов пустился в самостоятельное плавание. За плечами у лидера группы — участие в создании культовых васьильевских постановок «Серсо» и «Шесть персонажей в поисках автора», девять собственных спектаклей и джентльменский набор театрального пророка — голос проповедника, нарочитая недосказанность, непочтение к пишущей братии и свободное парение над бытовыми проблемами и финансовыми вопросами. Однако труппа-«бомж», состоящая из двух групп — старшей и младшей, — успешно и активно гастролировала в Германии со спектаклем Саши Вальц и к лету собирается выпустить две премьеры — «Корабль дураков» (младшие) и «Капричиос» (старшие).

Пригретые театрами «Модернь», «Школа современной пьесы» и «Эрмитаж», герои фронта отечественной импровизации впервые начали продавать билеты на свои спектакли. Импровизация нынче ценится раза в два-три дешевле, чем поход

в кино, то есть в пределах пятидесяти рублей. «Кровать», как и знаменитая абрамовская «Стая», предоставляет актерам обширную зону для импровизации, несмотря на жесткость конструкции. Хаотичное и на первый взгляд лишнее осмысленности движение персонажей приобретает конкретные композиционные очертания и ритм, определяющий каждый эпизод. Взаимоотношения в этом специфическом треугольнике то напоминают «ménage a trois», то отчетливо индивидуализируются. В сущности, каждый в этом мире одинок и ищет покоя в тихом углу — приблизительно так расшифровывается метафора кровати, трансформирующейся то в открытую всем ветрам дверь, то в кособоюкую крышу над головой, то в неустойчивые ходули, то в качели, то в импровизированные горки.

Актеры Абрамова любят сравнивать себя с животными, поражающими людей непосредственностью. Они ищут в зрителях соучастников и настаивают на связи театра с русской обрядовой культурой. А не проще ли, не вдаваясь в претенциозные заумствования, подумать, что свело вместе этих молодых веселых людей — портного, учителя математики, художника-мультипликатора, стенографистку, электро-механика ЭВМ, гидрогеолога, экономиста, выпускников Гнесинки, языкового лица и театрального училища? Не слишком сильно убиваясь по поводу материального достатка и будущего их общего дела, они занимаются тем, чем хотят. А хотя они импровизировать — сегодня, завтра, всегда.